

Диалоги могут быть классифицированы с учетом особенностей коммуникативного воздействия партнеров. Это противопоставление диалогов гармоничных (построенных с соблюдением важнейших правил эффективного речевого взаимодействия) иначе диалогов – унисонов, и диалогов негармоничных (нарушающих правила эффективного речевого взаимодействия) иначе диалогов – диссонансов.

В целом нами отмечено, что проведенное исследование показывает, что диалог на английском языке может служить примером изучения лингвистов и социальных психологов, но также может быть использовано преподавателем иностранного языка в качестве материала для обучения чтению, устной диалогической речи, аудированию. Выяснив все выше перечисленные особенности, мы можем перейти к заключительной части работы. Для осуществления поставленной в работе задачи, нами было проанализировано около сотни интервью. Интервью, являясь образцом спонтанной речи, и именно поэтому оно привлекло наше внимание. Результаты этого исследования помогут работникам СМИ создавать интервью на иностранном языке, участвовать в подготовке диспутов, дискуссий в иноязычной аудитории, качественно воздействовать на собеседника в процессе интеракции с целью получения информации или манипулирования мнением собеседника.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. 1979.—308 с. Гальперин И.Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста // Принципы и методы самантических исследований.- М.-1976.- С. 267-290. Голанова Е.И. Устный публичный диалог: жанр интервью// Русский язык конца XX столетия. – М.- 2000.- С.426-453. Дейк Ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация : Перевод с английского.- М.: Прогресс.- 1989.- 190с. Кожина М.Н. Диалогичность как категориальный признак научного текста. – Пермь: ПГУ.- 1998.- 323 с. Лазуткина Е.М. Культура русской речи и эффективность общения.- М.: МГУ.- 1996.- 401 с. Скалкин В.Л. Обучение диалогической речи. Курс лекций. –Липецк.-1981.-124 с. Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. – М., 1969. – 295 с.

ХАРЧЕНКО В.К.

(Белгородский гос. ун-т)

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО РАЗГОВОРНОГО ДИСКУРСА: РЕАЛЬНЫЙ ИЛИ МНИМЫЙ ДЕФИЦИТ ПОЗИТИВА?

The article deals with the analysis of the positive processes in modern colloquial discourse: the vocatives and diminutives, new idioms and hidden quotations are being systematized and interpreted. The author reveals the stages of the "unpothentiolization" of the prefixed verbs process and the forms' compression. The investigation results in building up the conception of modern colloquial discourse based not on the level criteria but on the regular dependence: motive – general marker- effect (vivid forms of marker) It also helps to revise the attitude to the problems of pejorative estimation of hesitation, the tendencies to analytism and the predominance of the "minus" over the "plus".

Key words. colloquial discourse, vocative, diminutive, reminiscention, hesitation, dialogue, monologue, pejorative, ameliorative, hápax eiréménon.

В последние десятилетия коллоквиалистика получила новый импульс развития и в нашей стране, и за рубежом. В изучение разговорной речи внесен существенный вклад, причем многие публикации ученых стали справедливо расцениваться как классические труды. К числу таких ученых относятся прежде всего В.Д. Девкин, Е.А. Земская, Г.Г. Инфантова, О.А. Лаптева, О.Б. Сиротинина, Ю.М. Скрёбнев, Э. Ризель, Н.Ю. Шведова, А.М. Поликарпов, К.М. Рябова. В зарубежном языкознании вопросам коллоквиалистики посвящено значительное число работ: В. Винтер, Э. Гроссе, К. Леска, П. Шлобински, Г. Штегер, Г. Цимерманн и др. В современной лингвистике разговорной речи исследуются как общие характеристики, так и отдельные, частные аспекты или формы разговорного дискурса. Из более узких по тематике охвата работ укажем, в частности, диссертационное исследование Е.Ю. Верещагиной [Верещагина, 2006]. Комплексные исследования и соответствующие им лексикографические проекты в последние десятилетия сориентированы на ранее запретные темы по изучению грубого просторечия и особенно обсценной лексики [Химик, 2000; Жельвис, 2000]. Если проанализировать тематику кандидатских диссертаций последних двух-трех лет, то интерес к негативу в них явно преобладает, превышая исследовательский интерес к позитиву. В поле зрения исследователей попадает: «Отрицательный директив в коммуникативно-целевом аспекте» [Миляева, 2004]; «Синтаксическая структура и компонентный состав диалектных устойчивых выражений со значением недоброго пожелания как отражение мировосприятия носителей говоров» [Козельская, 2004]; «Эмотивный арготический лексикон» [Цыбулевская, 2005]; «Контекстуально обусловленные лексические средства негативной характеристики человека» [Коняхина, 2005]; «Русские инвективные имена: комплексный анализ» [Саржина, 2005]. Молодые исследователи, авторы упомянутых кандидатских диссертаций, естественно, будут продолжать начатое, работая в русле пейоративных слоев разговорного дискурса. Созданный дисбаланс исследования минуса и плюса и побуждает нас к исследованию языкового позитива и выработке методик такого исследования. В качестве методики сбора материала использовалась запись живой разговорной речи практически почти сразу в момент ее произнесения, точнее в интервале одной-двух минут после прозвучавшей реплики. Использование диктофона, как это ни парадоксально, было затруднено по этическим соображениям: нужно было получить предварительное согласие потенциальных аудиторов. Такое согласие мы получали на запись реплик телефонного разговора, тогда запись осуществлялась практически вслед за произнесением реплики. Собранные данные систематизировались, обрабатывались, заносились в компьютер. Обработка данных состояла из двух стадий. На первой стадии, тоже не терпящей отлагательства, нужно было зафиксировать максимум сведений о говорящем и ситуации речи: дата реплики, пол говорящего, приблизительно возраст, ситуация речи, характеристика адресата реплики, локальная характеристика (так как превалирует «г. Белгород», то место диалога мы отмечали, лишь когда записывали речь в других городах:). На второй стадии обработки выделялись ключевые параметры в зафиксированной реплике, то есть уточнялось, что именно раскрывает в сложнейшей структуре современного разговорного дискурса именно этот, зарегистрированный фрагмент, «остановленное мгновение» звучащей речи. Не раз случалось, что реплика фиксировалась по одному

признаку, но впоследствии в ней обнаруживались и некоторые иные, не менее интересные сигналы лингвистического знания. Методика сбора материала, главным в которой была точность фиксации, в свою очередь требовала расширения «предмета исследования». Фиксировалось все, привлекающее внимание исследователя и характеризующее свойства современного разговорного дискурса, но это всерьез считывание характеристик и фактов живой речи впоследствии обусловило право на концепцию современного разговорного дискурса в целом.

Итогом этого исследования стало построение концептуальной модели современного разговорного дискурса. Проведенное исследование тенденций развития современных языковых ситуаций, результаты которого были опубликованы [Харченко 2006] дало возможность предложить определение и обозначить ключевые характеристики современного разговорного дискурса. Продолжающийся до настоящего времени сбор фактического материала, иллюстрирующего специфику современного разговорного дискурса, подтверждает возможность интерпретации «разговорной стихии» через методологический алгоритм: мотив – признак – наиболее яркие проявления признака. Изложим суть постулируемой концепции, приводя новые примеры, отражающие отнюдь не дефицит позитива, а все многоцветие признаков современной разговорной речи.

Современный разговорный дискурс – это живая речь в многообразии ее проявлений, призванная регулировать социализацию и индивидуализацию личности и характеризующаяся такими признаками, как сиюминутность, непринужденность, спонтанность, приватность, эмоциональность, ласковость, гиперболизация, междометность. Состав и выраженность перечисленных характеристик меняются в ситуациях большей ответственности за слово. В официальном и полуофициальном общении (совещания, конференции, свободные дискуссии, обмен мнениями), в обрядах и ритуалах (свадьбы, юбилеи, похороны) такие характеристики разговорного дискурса, как приватность, непринужденность, междометность, заметно редуцируются, однако суть современного разговорного дискурса сохраняется и при достаточно продуманных репликах и высказываниях. Дефиниция разговорного дискурса можно представить в расчлененных, однозначных просекциях, каждая из которых верна: разговорное – это эмоциональное, разговорное – это сиюминутное, разговорное – это социализирующее и т.д. В отличие от вторичных дискурсивных рядов, в отличие от отстоявшихся дискурсов разговорное всегда представляет собой конгломерат свойств, их наложение, совмещение, хаотичность. Разговорная речь дает выход творческому началу личности, не претендующей стать лидером, руководителем, писателем, журналистом, телеведущим, артистом, конферансье. Распространяющиеся через живую речь молекулы языкового творчества заставляют признавать экспериментальное начало современного разговорного дискурса, выявлять креативную его компоненту (по части, например, использования в репликах «обычного» разговора метафор, цитат!), то есть выявлять творческое начало, обеспечивающее, наряду с социализацией, мощный эффект индивидуализации речи. Научный дискурс развивает системы понятий, художественный – системы образов, политический призван учиться и учить грамотно считывать с ситуаций на перспективу национально значимые решения, зарождающиеся в противоречиях сегодняшнего дня, публицистический дискурс призван доносить до массового сознания национально значимые установки – всё это ориентировано в первую очередь на общество в целом и только потом уже на конкретную личность как члена общества. Разговорный дискурс имеет противоположный вектор, вынося интересы

личности на первый план и обеспечивая тем самым успех «поименной социализации».

Концепция современного разговорного дискурса, объединяющая идеи компрессии, избыточности, деликатности, поиска ценностных смыслов, а также необходимость взаимодействия «разговорной стихии» с другими дискурсами и как следствие сбережение и развитие своеобразия разговорного дискурса, может быть представлена следующей схемой, регулирующей набор характерных признаков и подчиняющих эти признаки ключевому свойству, которое в свою очередь определяется тем или иным мотивом.

Современный разговорный дискурс представляет собой высокий уровень развития разговорного потенциала современного русского языка, уровень, обеспеченный взаимодействием ключевых признаков: спонтанность, компрессия, деликатность, избыточность, наличие ценностных смыслов, взаимодействие с другими дискурсами.

Каждый из признаков разговорного дискурса обусловлен особенностями устного общения, выступающими в качестве мотива того или иного признака, и реализован набором наиболее ярких форм своего проявления.

Специфику разговорного дискурса можно, таким образом, представлять триадой: мотив – признак – наиболее яркие формы проявления признака.

Итак, современный разговорный дискурс – это:

а) уважение к перманентной необходимости сиюминутного отражения жизни и, как следствие, СПОНТАННОСТЬ (неподготовленность) практически почти любого проявления разговорной речи. Отсюда вытекают такие характеристики разговорной речи, как 1) междометность: (Студентка подружке о ком-то:) *Ах, ее оскорбили! Боже!* (2 октября 2006); (Мужчина лет 60 молодому соседу:) По телефону *ля-ля-ля-ляй*, а мне некогда! Смотрю – у того сухо, и у того сухо. Мне некогда домой приходить. Я не буду отпрашиваться! (Аспирантка научному руководителю:) А тут я примерчик – *хоба!* (ноябрь 2006); 2) «ошибки»: (Парикмахер коллеге:) *Дома лабиринтами да еще арки! Сквозняк какой всегда, как из трубы несет! Дома жара невероятная. Выйдешь во двор, десять минут посидишь и бегом тикать. Руки передергивает, спину сводит!* (26 февраля 2006); (Аспирантка научному руководителю:) Я просто еще хотела Ксению Ивановну выцепить и *точно* у нее *уточнить* (4 ноября 2006); 3) хезитация и речевые предпочтения: (Старшеклассница подружке о том, что сказала мальчику по мобильнику:) Слушай, солнце, тебе не надоело *типа* мне звонить? (18 ноября 2006); (Девушка подружке по мобильнику:) Так, *короче*, нам в четыре часа надо будет. . (25 августа 2006);

б) уважение к информативности ситуации и, как следствие, КОМПРЕССИЯ языковой формы, которая в свою очередь обуславливает целый ряд особенностей разговорного дискурса, среди которых: 1) контаминация: (Разговор реализаторов на рынке:) Я не обратила на их внимание! Мне уже *надоело на их внимание смотреть!* [Контаминация: обратить внимание + смотреть на них] (1 августа 2006); 2) метонимия (Женщина-профессор об ускоренной подготовке статей членами кафедры к конференции:) *Страна развернется* в последние два дня, забьет компьютеры, почтовые ящики. И будет не до вас... (6 сентября 2006); 3) эллипсис; 4) грамматические экспрессивы: (Профессор о поездке на родину:) Я мужа с детьми *отправила* по его *родне*, а сама дома (занималась) (осень 2006 г.), 5) семантические конденсаты: (Курск, газовщик диспетчеру по мобильнику:) Все пустил. То, что не пустил, – *сдал на аварийку!* (31 августа 2006).

в) уважение к адресату речи и, как следствие, ДЕЛИКАТНОСТЬ, ЛАСКОВОСТЬ языковой формы – забота о личности адресата; отсюда: 1) диминутивы: (Электрик:) Все *нормальнечко!* А ну-ка дайте мне *фонарик*, я *присеачу!* Все пригорело *капитальнечко...* <...> Ничего, разберемся. *Перекал* пошел. <...> Сейчас мы займемся *телевизориком!* – Обожжетесь! – Ничего страшного *совершенночки нетути!* <...> Сейчас проверим! Все будет *океюшка!* (15 марта 2007); 2) вокативы: (На почте оператору:) *Котик*, мне так в Москве по телефону сказали! (14 августа 2006); 3) приставочное смягчение: (Декан о знакомой из другого города:) Она будет *поддруживать*, отзыв даст (27 ноября 2006); 4) литоты: (Кондуктор:) Мужчина, *капельку* назад! (4 октября 2006); 5) цитатное смягчение: (Мужчина за 60, радуясь, что выручил мелочью работника почтамта:) «*В Греции все есть!*». Она возрадуется. Все! *Ладушки!* (4 июля 2006).

г) уважение к «цветущей сложности» сиюминутного и, как следствие, ИЗБЫТОЧНОСТЬ языковой формы, а также – в продолжение заботы об адресате – обеспечение «запаса понимания» смысла высказывания; отсюда: 1) гиперболы: Я пойду детское питание куплю. *А то забуду – меня повесят!* (18 августа 2006); 2) эпитеты: (Пожилые женщины у подъезда:) И зарево так сильно горит, как будто действительно такой мороз! Вон! И там вон *красное!* И там стена вся *красная!* (29 ноября 2006); 3) метафоры и сравнения: (Парикмахер о котенке:) А когда есть хочет, за полу халата ухватится и висит, как *сосиска* (26 февраля 2007); 4) распотенциализация глаголов: Я все *поповытирала!* (14 ноября 2006); 5) словотворчество: (Солдат по мобильнику:) Серега, пускай *прозвончик* мне даст, мне с ним пообщаться надо! (3 сентября 2006); 6) цитация: (Уборщица у лифта нового корпуса о себе:) «*Из зала в зал переходя...*» (21 июля 2006); 7) создание новых фразеологизмов: (Начальник отдела НИР отпрашивается на другое совещание) Правда, мне надо! Там есть аспиранты, которым надо *брови нахмурить!* (23 марта 2007).

д) развитие в разговорной стихии актуальных для личности ЦЕННОСТНЫХ моделей, отсюда: 1) искусство комплимента: (По телефону:) *Вы так приятны! Вы так приятны, что пальчики оближешь!* Это я грубло в присутствии (кота) Сэмюэла! Я до сих пор не могу понять, как вы *связали в узелок всю мою жизнь!* (19 марта 2007); 2) расширение этикетных клише: (Мужчина сердито по мобильнику:) *Какие веселые новости?* (8 октября 2006); 3) передача «формулы жизни», закрепление речевой эвристики, как пишет Е.А. Попова [Попова 2005: 59-60] «генеративных высказываний»: (Полная женщина женщине-реализатору на рынке:) А что, *нас всяких любят!* Не любят, что ли? (25 августа 2006);

е) развитие диалога с другими дискурсами, взаимодействие дискурсов: 1) проникновение разговорных клише в другие дискурсы; 2) цитация художественных, публицистических и др.; 3) разговорное в позиции эпитафия.

Комплексная стратегия реализации признаков – сохранение и развитие своеобразия современного разговорного дискурса как важнейшего дискурса практически для любой социальной группы и социума в целом.

Теперь проанализируем первые части триады. Выделенные нами мотивы организации речевого акта: уважение к перманентной необходимости сиюминутного отражения жизни; уважение к информативности ситуации; уважение к адресату речи; уважение к «цветущей сложности» сиюминутного и забота о запасе понимания; развитие диалога с другими дискурсами – в большинстве своем носят позитивный характер. Получается, что проявления позитива в современном разговорном дискурсе

суть не только отражение позитива в самой жизни, что при краткости услышанных и зафиксированных реплик не всегда заметно, не только проявление индивидуальных черт характера языковой личности, что, конечно же, нельзя сбрасывать со счета, но и следствие мотивационных структур языкового сознания, поощряющих как использование позитивных выразительных языковых средств, так и творчество речевых средств в дополнение к имеющимся (*прозвончик*, *нормальнечко*, *поддруживать* и мн.др.). При восприятии спонтанной речи ивективы, жаргонизмы, вульгаризмы, дисфемизмы запечатлеваются сразу, тогда как диминутивы и вокативы-метафоры, литоты и цитаты подчас заметны только специалисту. Это вполне объяснимо психологически: хорошее безопасно, а потому мы его не так часто и не так четко фиксируем сознанием в отличие от угрожающего плохого, но это же создает несколько искаженное представление о соотношении «минуса» и «плюса» в оценке звучащей речи

Литература

Верецагина Е.Ю. Коллоквиальные интерперсональные глаголы в современном немецком языке. Дис. ... канд. филол. наук. – Архангельск, 2006. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М.: «Издательская группа «Ладомир», 2000. – 352 с. Козельская И.В. Синтаксическая структура и компонентный состав диалектных устойчивых выражений со значением недоброго пожелания как отражение мировосприятия носителей говоров. Дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2004. Коняхина О.В. Контекстуально обусловленные лексические средства негативной характеристики человека. Дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2005. Милева И.В. Отрицательный директив в коммуникативно-целевом аспекте. Дис. ... канд. филол. наук. – Тула, 2004. Попова Е.А. Третьеличный нарратив русской литературы и косвенная речь как средство его структурно-смысловой организации. Монография. – Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2005. – 200 с. Саржина О.В. Русские инвективные имена: комплексный анализ. Дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005. Харченко В.К. Современная речь. Монография. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2006. – 158 с. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 272 с. Цыбулевская А.В. Эмотивный арготический лексикон. Дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2005.

UGRYN T.V.

(Université Nationale Taras Chevtchenko de Kiev, Ukraine
Université Paul Valéry – Montpellier III, France)

LES PARTICULARITES DE LA COMMUNICATION MEDIATIQUE

This article provides a general description of the process of communication in the field of mass media. More specifically, it discusses the process of enunciation in media and examines the nature of the media product. The analysis is completed with a short overview of the key communication goals and the role of place and time in media communication.

Key words. media, communication, enunciation, message